

Семейный альбом

Намалья Царёва

Наталья Царёва
Семейный альбом

«Автор»

2025

Царёва Н. Ю.

Семейный альбом / Н. Ю. Царёва — «Автор», 2025

В основе этой книги – семейные предания, которые, как сказки, рассказывали автору на ночь прабабушки. Любовь, предательство, вражда и примирение через годы – все, из чего и состоит жизнь.

© Царёва Н. Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Или живи по-моему, или проваливай	5
Столбушинские	7
Земский врач	8
Служебный роман	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Наталья Царёва

Семейный альбом

Или живи по-моему, или проваливай

Никтополион стоял перед отцом, тяжело дыша и наклонив голову. Смотреть в бабушкины глаза было невыносимо. Руки сами собой складывались в кулаки, а язык так и норовил вымолвить что-то недостойное, неприличное...

Разговор шел давний, старый, тягостный.

– Отпустите, – упрямо повторил Никоша. – Отпустите, бабушка. Не осрамлюсь, слово вам даю... Еще гордиться будете.

– Мал ты, чтобы словом разбрасываться, – еще больше разгневался отец. – Много мнишь о себе, сопля зеленая... Что тебе в том Петербурге? Что в той академии? Кем станешь, кем в жизни будешь? Лекаришкой на казенном жаловании? Бабские хвори заговаривать, младенцев принимать? Да хоть бы и не бабские... На что тебе такая доля? Да знаешь ли ты, как живут твои дохтуры? И в ночь, и в праздник изволь собираться, иной раз и с постели подымут, и езжай куда Макар телят не гонял... Хорошо на коляске, а то и на подводе... В дождь, в метель, в бурю. Что поп, что лекарь – все едино. А и за стол иной раз не посодют. Не гость потому как, обслуга. А тут дело верное, дело крепкое. Свое. Не мы по барам ходим, बारे сами к нам идут. Умей только торговать, умей найти слово ласковое – и будет тебе и почет, и достаток.

Никтополион с тоской глядел в деревянный некрашенный пол. По субботам бабы скребли добела старые доски. Теперь мать уж не мыла сама, но Никоша помнил, как ребенком засматривался на то, как она с теткой и сестрами скоблили полы, как сурукали[1] белье в бане... Их, сыновей, до таких дел не допускали.

Сыновья созданы для лучшей жизни.

Никтополион знал, нелегко далось бабушке их нынешнее сытое благополучие. Сам он был сыном сельского дьячка, благодаря торговой сметке и чисто староверскому трудолюбию вышедший в люди. Купец третьей гильдии, державший лавки в Опочке, Острове, Новоржеве, Порхове и Святых горах[2], Иван Яковлевич Столбушинский заслуженно пользовался уважением в народе. Обортист был папенька, но и скупенек. Знал счет копейке... Купцу без того никак, конечно. Но и дети его, воспитанные в строгости, росли не гуляками.

Да, понимал в душе Никоша справедливость бабушкиных слов, самую их сердцевинную правду. Не желал отец зла своим детям! Хотел он для них доброй, сытой жизни... Только при мысли о том, что придется всю жизнь просидеть в лавке, выбираясь только за товаром да в церковь, можно было завывать с тоски. Кабак староверам был заказан, да и не тянуло туда чистого, неиспорченного юношу...

Повидать столицу, поглядеть на умных людей, постигнуть все премудрости докторской науки... а потом лечить, облегчать боль страждущих, продлевать их земной век... Разве то дело не самое благородное, христианское?

А на что глядеть в Новоржеве, про который поэт Александр Пушкин справедливо сказал:

Есть на свете город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Только не желал слушать отец доводов сына, не желал принимать его чересчур уж современного выбора... Положил отец для своих детей ровную дорогу, изволь идти и быть благодарен.

– И на что я вам? – вымолвил Никтополион. – Вон у вас Семен есть да Васька... и думать из вашей воли выйти не смеют.

– На то, что ты мой сын, – побагровел отец. – И гробить свою жизнь я тебе не дам.

– Пусти, батя, – наконец, не выдержав, тихо, по-простому попросил Никтополион.

– Или живи по-моему, или проваливай, – припечатал Иван Яковлевич. – А уедешь – от меня ни копейки не увидишь.

Значит, так, про себя подумал Никтополион. Выходит, нельзя иначе...

Мимо батюшкиных ног испуганной тенью метнулся в угол паук.

[1] Сурукать – псковское, стирать руками (примеч. автора).

[2] Святые горы – так назывались в XIX в. Пушкинские горы.

Столбушинские

Согласно семейному преданию, происходили Столбушинские от четырех братьев родом из Столбушино, что в Новоржевском уезде Псковской губернии. Корни этой семьи уходили в староверческую, то есть старообрядческую, среду, что однако не помешало одному из братьев, Якову, поступить в духовное учебное заведение и, окончив его, занять место дьячка в опочечком храме. Во время учебы Якову и была присвоена, в соответствии с существовавшим тогда обычаем, фамилия Столбушинский – по названию родового гнезда. Дело это было совершенно заурядное, так, по имени некоего села Достоева, получили, например, свою фамилию и предки Достоевского.

Связь со старообрядцами не кажется чем-то удивительным, так как и по сей день живут они на Псковской земле, а еще больше тех, кто называет себя выходцами из староверческих семей, посещая обыкновенную православную церковь или, что чаще, не посещая никакой вовсе.

Потом, в конце XX века, Столбушино, как и многие псковские села и деревни, придет в упадок. К 2001 году здесь останется только три жителя... Однако спустя всего несколько лет тут будет основан скит Святогорского Свято-Успенского мужского монастыря, через что Столбушино получит новое рождение...

Самым известным из детей дьячка Якова стал Иван, сделавший карьеру провинциального купца. В 1844 году в Святых горах у него родился сын Никтополион, который, по желанию батюшки, должен был продолжить его дело. Однако вместо этого Никтополион вышел из отцовской воли и, щедро политый материнскими слезами, благодетельствованный ее же добрыми напутствиями и тайно сунутыми в руку ассигнациями, отправился в Санкт-Петербург (батюшка провозить непокорное чадо так и не вышел).

Земский врач

По прибытии в столицу Никтополион благополучно сдал экзамены и поступил в Медико-хирургическую академию, о которой так страстно мечталось долгими святогорскими ночами. Учиться было трудно, но еще труднее жить, денег, выданных матушкой, хватило ненадолго. Чтобы платить за обучение и питаться, Никтополион подряжался ночами разгружать вагоны... Благо был он крепкий, сказывалась земляная, небалованная порода.

А в учебе очень помогала привитая в семье привычка к аккуратности, почти нерусскому педантизму. Так было заведено у папеньки, копейка к копейке, рублик к рублику. Так же было теперь и у Никоши, все тетради и книги его находились в идеальном порядке.

Соблазны столицы прошли мимо Никтополиона, не за тем он ехал из Святых гор. Поглядеть на умных людей, постигнуть все премудрости врачебной науки, выучиться на доктора, которых среди Столбушинских отродясь не было...

Соученики его были, как правило, из таких же разночинных, поповских, купеческих, мещанских семей. Много было докторских детей. Дворян почти не было – медицина не считалась благородным занятием. Врач, в особенности хирург, гинеколог, работает руками, а это не достойно аристократа. Военная и статская государственная служба – вот приличное занятие для человека благородного происхождения, но никак не лекарское дело. Была правда в словах отца об «обслуге».

Без батюшкиной поддержки приходилось туго. Часто сидел Никтополион на квасе с хлебом. Есть хотелось так сильно, что не спасала и привычка к долгим постам...

Но все имеет свой конец, подошли к нему и голодные, хоть и счастливые студенческие годы. В 1868 году Никтополион кончил академию и наконец начал зарабатывать.

Вернулся на родину, в Псковскую губернию, в те самые края, где прошло его детство. Его ждала работа врачом в Опочецком, Островском и Порховском уезде.

Женился. На барышне Анне Федоровне Карповой, из настоящей дворянской семьи. Любопытно, что брат Анны Федоровны Павел Федорович был управляющим в пушкинском Михайловском, а другой брат, Григорий Федорович, был в свою очередь женат на старшей дочери Евпраксии Николаевне Вульф-Вревской, той самой Зизи, с которой Пушкин мерился поясами и о которой в «Евгении Онегине» сказал, говоря об узких, длинных рюмках:

Подобных талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Таким образом, через супругу Никтополион Иванович оказался связан с теми самыми «барами», с которыми его отец не мечтал и сидеть за одним столом.

Впрочем, жизнь самого Никтополиона, конечно, была совершенно не аристократической. Это была трудовая, тяжелая жизнь провинциального врача. Современники вспоминали о нем как о человеке душевно чутком и очень скромном в быту. Никтополион Иванович не делал различия между бедными и богатыми пациентами, двери его дома всегда были открыты для нуждающихся в помощи.

В браке с Анной Федоровной у Никтополиона Ивановича родилась долгожданная дочь. Но... не зажила на свете. Девочку похоронили на кладбище у Святогорского Свято-Успенского монастыря, там же, где и Пушкина.

В 1878 году Никтополиону Ивановичу пришлось служить военным врачом в 7-ой резервной пехотной дивизии.

А в 1881 году он поступил ординатором в Псковскую губернскую земскую больницу. В 1884 году Никтополион Иванович был назначен ее старшим врачом.

Служебный роман

Ее звали Мария. Мария Теофиловна Заливако. Она родилась в 1853 году в городе Режица (сегодня это Резекне) в семье агронома, поляка по национальности. Режица была небольшим городком в Витебской губернии, на самом западе Российской империи... Отец Марии за участие в революционном движении был сослан в Сибирь на двенадцать лет. В ссылке он подорвал здоровье, вернулся больным и вскоре умер.

Мария закончила гимназию в 1872 году и несколько лет проработала там учительницей в младших классах. Но, видимо, педагогическое поприще не слишком ее привлекло, потому что через некоторое время она уезжает из Латвии в Санкт-Петербург и поступает на женские врачебные курсы. Оканчивает она их в 1881 году.

В 1883 году Мария получает место ординатора в Псковской земской больнице. Во всей Псковской губернии она была первой женщиной-врачом. Это была женщина нового типа, эмансипированная, независимая, сама зарабатывающая на жизнь. Не аристократка, от безделья требующая новых, непонятно зачем нужных прав, а труженица, подвижница, горящая работой.

Когда она приезжает в Псков, ей уже тридцать. Она взрослая женщина со сложившимся характером и кругом интересов. Да, одинокая, но видимо, такова уж ее судьба. В Пскове у нее вначале ни друзей, ни родных... Она все начинает с нуля, преодолевая не только обычные трудности, связанные с привыканием к новому месту, но и сопротивление косной, консервативной среды. Ведь что такое женщина-врач в то время, даже в столице, не то что провинции? Это сенсация. Диковинка, вроде экзотических зверей в зоопарке.

Это потом у нее появятся друзья, в основном среди коллег, а сначала она одна. Совсем одна...

Но скучать некогда. Это медицина. Это больница. Кругом все время люди. Много людей. Им больно. Им плохо. Возможностей облегчить страдания немного... но они есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.